

"Княгини"

Ну вот, опять звонит колокольчик. Я думаю, наш входной колокольчик — последний в Одессе или даже в целом государстве. Его можно было бы давно заменить нормальным звонком... Нет, колокольчик — лучше. Столько лет звонит. И вообще — у княгинь должен быть колокольчик! Он нам к лицу.

— Юлия, отвори! — не могу смотреть, как она двигается — *ma fille* шестидесяти пяти лет. Моя дочь старуха. Мы обе старухи. Или старушки. Мы — милые старушки? А ведь есть и отвратительные. Юлия, безусловно, милая. А я?..

Кто же пришел? Молодежь, наверно. Я чувствую по голосам. Зачем к нам ходят молодые люди, зачем? — спрашиваю я себя. Почему я не выставляю их за дверь, а говорю и слушаю, слушаю и говорю, — это ясно. А они, они — почему?.. Ну, ходят и ходят. Значит, хочется. Всем хорошо — и ладно. Только вот книжки зачем зачитывать? Выходит так, что и не грабеж вовсе, а так — взяли почитать и как бы позабыли возвратить. А мы не помним, кто брал... Если думать по справедливости — это разумно. Мы помрем. Библиотека попадет в макулатуру. Или еще хуже — книги сожгут во дворе. Нет уж. Лучше пусть зачитывают. Мысль о том, что после нас их никто не прочтет, не перелистает хотя бы, мне неприятна. Пусть все продолжает быть, как есть. Однако... По пропажам можно многое определить. *Contemporaine poesie française*, Paris, 1921 год, том I, том II — исчезли безвозвратно. Берлинский Гете пропал, едва мы его переложили на нижнюю полку. Я, еще когда перекладывала, подумала: долго ли он там продержится внизу?..

Кто же пришел и почему так долго не заходит? Да, молодежь, я слышу по голосам... А шаги сбитые и неуверенные. Это от почтительности, разумеется. И — о Господи! — наш коридор! Шкаф, таз... Неизвестно что, неизвестно чье... А Юлия семенит! Очень даже хорошо слышно. Ах ты, хлопотунья моя! Представляю, как это происходит: она обгоняет гостей, возвращается за ними, пропускает вперед и опять обгоняет:

— Сюда. Сюда, пожалуйста, прямо, направо и чуть влево, будьте добры, проходите, пожалуйста, извините...

Вот и ясно — новички пробираются.

Вошли молодой человек и барышня.

— Добрый день. Нет, не помешали. У старых людей не бывает неотложных дел. Мы знакомы?

— Вообще-то, нет. Нас к вам направили...

— Кто?

— Из совета ветеранов.

— Мы там не состоим. Мы ничего не ветераны.

— Мы знаем. Но вы там на контроле.

— Но не на учете? — да, с барышней повезло.

— Честно говоря, я не знаю, в чем здесь разница, но нам сказали, что вы ужасно много знаете, и память у вас для ваших лет просто феноменальная!

— Ну, и зачем вам моя феноменальная память? Только память? А сны? Фантазии? Нет?

— Понимаете...

— Стараюсь.

— Простите. Мы готовим передачу... Что-то вроде телефильма о периоде гражданской войны и интервенции в Одессе. Понимаете... Ой, опять... Простите... У нас есть руководитель, консультант, все по исторической науке...

— Ну, раз по исторической... Это очень серьезная наука. Я — не историк. Я — график, рисовальщик. Пенсионер-график. Я человек для вас бесполезный.

— Что вы! Очень нужный и полезный! То все — очень официально. И вообще... Нам нужно ваше простое субъективное человеческое восприятие.

— Н-да... У сторожевого пса тоже субъективное восприятие, да сказать не умеет и спросу нет. Да... "Человеческое" и "субъективное", "простое человеческое спасибо", "честно-благородно" и "очень много альтернатив". Короче — "ставрида обезглавленная"... О великий, могучий и терпеливый!..

Я перехватила взгляд Юлии. Он призывал к смирению. Ну, не буду, не буду.

— Значит, вам необходимо субъективное и человеческое именно мое?

— Потому что каждый человек чувствует по-своему, потому что...

— Спасибо, радость моя. Я поняла.

Ну вот, Дарья Васильевна, выкладывайте ваше субъективное, человеческое! За ним пришли. Сейчас я им скажу вот что субъективное и весьма человеческое: все я, дружочки мои, про вас знаю и все вижу. Вижу, как молодой человек неудобно сел в кресле, провалился совсем, пересест стесняется, а там — пружина! Еще неудобней так, провалившись, рыться в портфеле, тем более что он, как будто, хотел проделать это незаметнее. А девица — просто загадка! Ведь сидит же, сидит, а сколько суеты! И беспрерывно лопочет. Вот мое субъективное восприятие номер 1. Но они пришли не за этим.

— Девятнадцатый год? Извольте... — я задумалась. Им нужен анекдот. А сразу не припомнить... Я молчу. Сделалась такая тишина, что слышно муху. А муха — слышит? Слышит ли муха? Спросить? Я давно перешла рубеж, до которого нужно держаться в рамках приличия. Я могу пренебречь. Наступила пора свободы! Сейчас возьму и спрошу: А муха слышит? А?... Представляю, какое последует восприятие.

— Презабавное было время, — сказала я, а они заглотнули это мое "презабавное". В глазах появилось что-то охотничье. Гон начался! "Презабавное". Дальше!

— Война собрала в Одессе много людей. Их просто столкнуло на Юг. Военные, чиновники, знаменитости. Так что — концерты, спектакли. Никогда не давали столько балов... — опять сглотнули. — Да-да. С танцами и лотереей. Как будто ничего не произошло. Веселились. Но за этим стоял какой-то бессловесный договор, немое вовлечение всех в общую ложь. Я тоже танцевала... — (зарубка: "Она танцевала!".) — Да, танцевала. При этом меня не покидало ощущение, что я внутри какой-то пьесы. То ли в "Балаганчике" у Блока, то ли в "Пире во время чумы". Я была участник и зритель... Многие так чувствовали. Но об этом не говорилось.

(Мне кажется, что парень что-то прячет в рукаве.)

— Ах, как интересно! — взвизгнула девица. Она по силуэту напоминает Ленского, как его нарисовал Пушкин на полях рукописи "Онегина", прическа и костюм. Она и села, раскинув полы пиджака, как будто это фрак. И бочком, на полпопки. Вот-вот запоет. Я думаю, брюки ей очень узки...

...Рассказываю о балах. Они слушают и рассматривают меня. Мою старинность. Мое довольно ветхое жабо, в которое ушла шея. Даже не в жабо, а в плечи. Хорошо бы взглянуть в зеркало. Кажется, я сделалась похожа на сову... Счастье, что профессор не видит этого безобразия. Ему не удалось постареть. Это счастье. Тогда мы были просто люди зрелого возраста. По виду. Но внутренне — и тогда, и сейчас — я не чувствую груза лет. Хрупкость костей, страх оступиться и сломать что-нибудь — это да. Но иногда кажется, что сделав усилие, я могла бы перепрыгнуть через что-то или перебежать дорогу перед автомобилем!.. Каждый застревает в каком-то своем любимом времени и там остается. А я — в каком? Чего жаль? Восемнадцати не жаль. Даже и не помню почти. Тридцати, пожалуй, жаль... Да. Я — в тридцати. Мне — тридцать. Если я этим, что сидят, скажу: мне тридцать, знаете ли, лет... — что будет? Ха! Они вызовут карету скорой помощи из заведения для тихих и безобидных...

...Мужчина, что сидит напротив и терпит муки, причин которых мне не

понять, крайне застенчив. Когда мы встречаемся глазами, у него краснеют уши. Но смотрит преданно.

В последней войне солдат его вида и лет было больше всего...

...Что же я так долго молчу? Ничего не идет на ум, кроме глупостей. Юлия куда-то подевалась. Гости чувствуют неловкость ситуации. Даже девица приумолкла у окна. Такая вот неловкость. Пришли поговорить, а тут — молчание. Смешно и странно...

— Все это чепуха, дорогие мои. В смешном положении может оказаться каждый. К примеру, мы с Юлией. Когда покупали новый проигрыватель. Все продавцы из "Кульгтоваров" сбежались смотреть. И покупатели. Можно было учинить грабеж. Глазеть на нас сбежались все. Особенно на мою шляпку. Обломок империи покупает проигрыватель, надо же! Но нам, в самом деле, нужно было. Почтальон Наташа подарила 8 Марта пластинку "Голоса леса". Мы хотели тотчас послушать, а старый проигрыватель не действовал. Мы давно уже решили купить новый и заранее учили все эти слова: стерео — не стерео. Нельзя жить в абсолютной тишине...

...У мужчины хорошее лицо. Интересный, пожалуй, мужчина. Только все время, крадучись, роется в своем чемодане.

— Простите, молодой человек, если у вас там скоропортящиеся продукты, можно, пока вы здесь, поддержать их в нашем холодильнике.

— Нет-нет. Спасибо, — с ужасом в глазах сказал он, выложил ладони на колени и недружелюбно посмотрел на девочку.

Я услышала, наконец, его голос — приятный, негромкий.

А девица опять засуетилась. Вертится, шарит глазами по нашим аппаратам. Все, все, что здесь висит, стоит, валяется — просто старые вещи, включая кошек. Кошки тоже старые. Что глазеть?

Куда это она уставилась? А... на качалку смотрит, куда мы газеты сваливаем. Думает, наверно, на кой этим старым гримзам столько газет. Да еще иностранных. Или думает: до чего же умные попались старушечки! Да глупые мы, глупые.

— Вы читаете на всех этих языках?

— Для практики, только для практики, чтобы не забыть, — и ничто нас ничему не научило... А почему просто не сказать, что мы читаем, жуть как много читаем! И нам интересно знать, что делается на свете. Мы — т о р о п м с я знать. Мы даже знаем, что на наши души приходится столько-то телевизоров, электровозов, чугуна и стали. Сейчас возьму и спрошу: а сколько именно на мою душу приходится чугуна и стали? Отдайте мне мое. И будем в расчете. Я это все скажу, а они расскажут знакомым.

И вдруг Сова спросила:

— А сколько чугуна и стали приходится на мою душу?.. Впрочем, чугуна и стали уже выбрано вперед...

...Интересно, как они меня изобразят?.. Мне кажется, я стала похожа на старуху из "Капричос". И еще я похожа на старуху из "Корабля дураков" Босха, ту, что стоит у мачты. И у Брейгеля есть такие же мерзкие старухи. Я чувствую некую связь, Я — повторение чего-то уже бывшего. В чем-то крупница чего-то и еще многого, многого... Я не сама по себе.

...Так из Босха я или из Гойи? Да нет же! Я — просто оперная старуха из "Пиковой". Я пришла с бала. Вот-вот. Вот именно.

"От третьего, кто, пылко-страстно любя,
Придет, чтобы силой узнать от тебя..."

Но я поломаю ход действия! Я и х убью!.. Ну, вот еще. Мысли у меня в последнее время стали идти какими-то странными путями. Расползаться, расходиться, как круги на воде...

— За исторической справкой вам лучше бы обратиться в музей, — я нарочно так сказала, а они заморгали. Уйдя от нас, они будут подсчитывать, как очки, кто сколько набрал idiotизмов от меня. Уверяю вас, музейные, научные справки тоже очень субъективны. И еще как!..

Ну, наконец! Час настал! Час пробил! Юлия подает чай. Сейчас она подаст свое печенье! Посмотрим, как они будут его есть. Кто приходит часто, те наловчились отламывать маленькими кусочками и глотать, не пережевывая, как таблетки. Даже похваливают. Но кроме нас самих никто не ест с удовольствием эти липкие горелые лепешки. Ими мы испытываем наших гостей на верность. Вот Наташа-почтальон — умница. В день пенсии — раз уж непременно нужно пить с нами чай — она приносит булочки с изюмом. Чудесные! Так тактично спасается от нашего печенья. То, что Юлия проделывает с ним над огнем, напоминает инквизицию. Сколько раз твердила я ей, чтобы купила в булочной нормального печенья для гостей. Но у нее — убеждение: домашнее необходимо для реномэ! Подгорелое ре-но-мэ-фа-соль-ля-си...

Зачем каждый раз она суетится, включаясь в разговор? Так торопливо рассказывает, будто боится, что ее перебьют и она никогда не получит столь редкой возможности...

Напрасно я не уговорила ее выйти замуж. Ну, погиб, пал с честью... Что тут поделаешь... Другой был тоже не плох. Не захотела. Я не настаивала. Я не хотела с ней разлучаться... Но и этот, другой, тоже сгинул. В других местах...

Почему она этим двоим рассказывает, как мы жили в Швейцарии? С какой стати? Это не по теме. Да еще так говорит, будто мы только что

возвратились. Да были ли мы в Швейцарии?.. Да, были. Перед Первой мировой. Юля была очаровательной счастливой девочкой. Профессор принял там отвратительную больницу, чтобы я могла брать уроки живописи. У меня еще были иллюзии. Он их уважал. На самом деле нам нужно было бы поменяться ролями. Нечисть, что он рисовал шутки ради, была анатомически подробно и прекрасна. Он просто создавал на бумаге новый биологический вид. Насколько я знаю, сейчас так рисует Дали. Петя раздобыл мне несколько репродукций. Это сходство он заметил...

...Ах, Юля, Юля... Она совсем глохнет — не слышит, о чем они спрашивают, отвечает невпопад. А эта искательность на лице — чтобы всем было мило, удобно, нестеснительно!.. Ну, хватит.

— Да, мы там играли в гольф, — (зарубка: Сова играла в гольф!).

— А разве в Швейцарии тоже играли в гольф? Я думала, только в английских клубах.

— Да, вы правы. Во всей английской литературе только и делают, что играют в гольф, — далее наша беседа потекла, как в английском клубе, чопорно и вяло. Недоставало только рома, портера, хереса... Что еще пьют в английской литературе? Ах, чай! Крепкий чай... Мы не пьем крепкого чаю. Юлия вычитала в журнале "Здоровье", что в нашем возрасте крепкий чай вреден. Он плохо влияет на общее состояние и ухудшает цвет лица. Но этот журнал много раз ошибался! Если и про чай — ошибка, то выйдет, что мы напрасно столько лет пьем жидкий чай. И гости пьют. А сами думают, когда же, когда продолжится о балах... То ли им эта жизнь скучна...

Один ученик профессора и сам давно профессор на днях сказал мне: "Это поветрие такое. Грозит стать эпидемией. Старинненького подавай! Книжки надо читать честные. А то — ах-ах! А сами путают принцессу Клевскую с царицей Савской". Я еще тогда заступилась — ах, какие бывают умницы! Как повезет. На кого набредешь. Кто на меня набредет, добредет...

— Но все время стреляли. У нас была приятельница — наполовину француженка. Из тех французов, что основывали Одессу. Из первоприезжих. Она говорила обычно одно слово по-русски, другое по-французски. Очевидно, от двойственности происхождения. Однажды она пришла на вечер в непозволительно позднее время и появилась в гостиной со словами: "Une telle перестрелка". Так она объяснила свое опоздание. Н-да.. Тогда всему сопутствовала une telle перестрелка... Однажды мы были в гостях, не помню, у кого. Тогда как раз обсуждалась таинственная смерть Веры Холодной... Я ее не знала совсем. В нашем кругу кинематограф считался как балаган. Я не ходила. Но мне было жаль ее. Все врачи сошлись на том, что дело

не в испанке, что погибла она от чего-то другого... Тогда или не тогда, в другой вечер, какие-то вооруженные люди окружили дом. Потом поднимались по черной лестнице — железной и ржавой. Звук накладывался на звук. Шаг на шаг. Громоподобно. Несколько минут казалось, что это единственный звук в мире. Навсегда. Других уже не будет... Стреляли где-то близко. Кого-то, говорили потом, увели из соседней квартиры. И к нам вошли. Когда узнали, что здесь собрались врачи, извинились, как умели, и ушли. Потом вернулись и попросили осмотреть раненого. Муж пошел. Вскоре после этого ему дали госпиталь. Само собой так вышло. Некоторые знакомые отвернулись от нас... Мы не оправдывались. Глупо объяснять медикам, что перед бедой все равны... Макс Волошин сумел же пожалеть всех: "Молюсь за тех и за других"... Мы много об этом говорили с профессором...

Изольда прыгнула девчонке на плечо, а Мурильо стал тереться худым боком об ее штанину. Девочка сморщилась от страха, а сама сказала:

— Какие у вас симпатичные кошки.

— Симпатичные? Какие есть, — я очень долго молчала. Тема мне задана, а в голову лезет совсем другое. Как я сидела в приемном покое и в спешке заполняла истории болезни — "скорбные листы" раненых и больных. Тогда было много налетов в день, и персонал не справлялся. Училище мое уже эвакуировали, и я перешла в госпиталь. Когда началась тревога, я решила не ходить в убежище, пока всего не закончу. Одна бомба разорвалась так близко, что казалось, за стеной. Так и было...

...После отбоя ко мне пришло очень много людей. Они сказали, что произошло несчастье, и я должна спуститься вниз... Снаружи этот флигель казался целым, но внутри все было пробито, перекрытия болтались, зацепившись у одной стены, и напоминали поломанный гребешок. Меня привели в подворотню. Там было сложено все, что удалось вытащить из огня. Мне показали свернутый ковер из кабинета профессора. Я этот ковер хорошо знала. Он меня раздражал даже. В нем было какое-то нарушение — в центре огромные розы, а в орнаменте по краю какие-то маленькие геометрические лошадки зеленого неприятного цвета... Я подумала — хорошо, что Юли нет со мной, что там, где она сейчас, безопасней... Меня спросили, можно ли развернуть ковер. Я представила, как сейчас будут его разматывать, и как будет при этом вертеться голова.

Мы так и похоронили его в ковре... Это мерзко — то, что я испытывала в те дни, — неограниченную власть. Никогда мне так не подчинялись люди. Я была, как генерал. Я помогла отправить всех в тыл. Потом долго искала подходящую краску, чтобы ярче навести на табличке фамилию

и даты, я боялась потерять могилу. В той части кладбища, где похоронили профессора, были только свежие могилы и никаких особых примет.

Девочка что-то лепетала. А что — я не слышала. Она замолчала. Теперь мы все молчим. И Юлия куда-то подевалась. Совсем заскучили мои гости.

Я расскажу им про французских оккупантов!

— Французские офицеры не были умны. Но — галантны. Хороший французский, манеры... Я отлично помню этот крейсер "JUSTICE" — там, кажется, были революсьонэры... — я нарочно произнесла так, на французский лад. А зачем? — Однажды на "Жюстис" устроили раут специально только для уважаемых дам. Я тоже получила приглашение, но отказалась прийти без профессора. Тогда — уже в другой день — нас пригласили вдвоем. Правда, никакого раута не было. Просто в кают-компаний был шоколад...

Мои гости не шутя готовились к нашей исторической беседе. Они знают про "Жюстис" все — сколько пушек, сколько башен.

— Я тоже взбиралась там на одну башню... Какое время года было тогда? Тепло, но я была в шубке... По-видимому, был март... Там случилась одна неприятность — я с высоты посмотрела в воду...

— Вас укачало?

— Нет, моя прелесть. Меня испугало. Да-да. С высоты вода казалась плотной густой массой. Я старалась уловить ее текучий цвет. Волна разливалась на волне, не давала посмотреть вглубь. Был ужас и соблазн — прыгнуть вниз. Досмотреть, докопаться...

...Если бы у меня оставалось больше времени для жизни, я бы собрала все, что написано о страхе. Я бы спрашивала у знакомых, у прохожих, что для них страх. Я бы попыталась систематизировать все качества страха. Страх, который наступает потом, когда оглядываешься назад. Страх перед опасностью, которую видишь. Страх перед опасностью невидимой... Когда угоняли в гетто днем, здесь, у нас в Отраде, люди стояли на обочинах, выглядывали из окон. Было страшно. Лица впечатались в память. Это были знакомые, соседи. В самую безумную голову не могла прийти догадка — куда их ведут. Страшен был сам факт — людей сгоняют с места. А мы стояли, парализованные страхом. Но самый большой страх, страх страхов, ужас — приходил ночью или перед рассветом — звук сотен шаркающих шагов и тонкий скрип тележек, колясок... Никто — в никуда...

— Да, дело было в марте. Во всяком случае, была весна. Насколько помнится по освещению. Другой март... или не март? Немцы оставили город румынам. Стало легче дышать... Это уже другие времена. Не на вашу тему. Не рассказывать?

— Что вы, что вы, что вы! Пожалуйста!

— Я хотела взглянуть на училище. Больше года я там не была. Я вообще мало выходила из дома. В соседнюю лавку и дважды в полицию, выправить бумаги. И только. С начала оккупации я в первый раз покидала Отраду. Я надела прелестную в прошлом шляпку, отыскала в чулане зонтик с рюшем и пошла. В моем старообразном наряде была хитрость.

Оккупанты считали, что люди из "бывших" на их стороне. Вырядившись так, я взяла извозчика и поехала. А от Садовой пошла пешком. Я была как разведчица. Да я и была в разведке. Так — от себя. Напрасно меня не оставили в подполье. Я бы смогла. Потом мы придумали эту антикварную дурацкую лавку.

— Вы даже представить не можете, какой смелой была мамочка! — заверещала моя старушка дочь.

— *Laise donc*, Юлия. Я скажу сама, что сочту... Когда я топталась под училищем, Петя меня увидел. Я думала, раз все заколочено, то там никого нет, а он прятался в хранилище. Потом пришел ко мне и с этой лавкой навязался. "Давайте дадим рекламу в "Молву": "Антикварная торговля княгини Прохоровой" — "Откуда ты выцарапал мою девичью фамилию?" — спросила я его. — "А это — тайна. Может, — говорит, — кто-нибудь из наших ребят прочтет и явится". Способности у него были средние, но трудолюбие! Сейчас он хороший рисовальщик. А педагог просто замечательный. (Но люблю я его за другое. Мне 96 лет, а он говорит: "Мне бы ваши глаза, Дарья Васильевна!" — и каждую сессию присылает рисунки заочников на отзыв.)

А вот лавку я ему не прощаю. Вовсе мне ничего не хотелось продавать. Потому что все это были мои вещи, которые прожили со мной жизнь. Я к ним привыкла, любила даже. И подполья у нас никакого не вышло, хотя Петя отгородил часть кабинета книгами так, что получился маленький тайный коридор. Кое-кто из ребят пришел по этому объявлению. Даже и не мои студенты. Они иногда забегали в этот книжный тайник и там шушукались. Я в то время сидела в лавке. Мы веранду в лавку переделали. Мне нравилось думать, что они там не просто болтают, а именно — совещаются, о чем-то стовариваются тайно... Потом они перестали бывать, и Петя разобрал книжную стенку. После того как меня посетил этот антиквар из Бухареста. Я сразу поняла, что никакой он не антиквар, а жулик. Или шпион, плохо подготовленный. А через некоторое время мы закрыли лавку — она снова стала верандой...

...Я долго молчала. Нехорошо. Невежливо.

- Ой, а можно спросить, что это за страшная голова на стенке?
- Это Медуза Горгона.
- Она из мрамора? — и товаровед в придачу. Товаровед-искусствовед!
- Она из гипса.
- Какая страшная!
- А мне кажется, что красивая, — сказал молодой человек.

Умница! Умница! Умница! Ведь это же я! С меня лепили! Он мне нравится все больше. Когда его компаньонка болтает чепуху, он болезненно морщится. Боже мой, до чего я бестолкова! Как же я сразу не догадалась, что у него в портфеле и что в рукаве!

Милый мой, только не судите по этой нелепой скуксившейся оболочке. Жизнь человека — это не один роман, а большая библиотека. Смотря на какую ниточку нанижешь, как сопоставишь события. Человек преобразается внешне и не умеет себя вести в новой форме. Вы же учили — форма и содержание. Единство. Не верьте этому! Они всегда в разладе... Что-то вырывается вперед, что-то отстает... Однажды на даче у знакомых одного очаровательного ребенка укусил комар. Личико мгновенно распухло и стало чудовищным. Но ребенок не знал о своем уродстве и продолжал держаться кокетливо и капризно. Было жутко смотреть.

Тогда я вспомнила Анну Петровну Керн. Да-да, ту самую. В детстве я часто гостила в имении наших соседей. Это была очень интересная семья, близкая к литературным кругам. Старшие рассказывали, что когда-то давно здесь гостил Белинский. А один член семьи был из основателей русского анархизма и видным участником революции во Франции. Так вот, у них в диванной висел портрет Керн — копия с известной миниатюры. В каждом собрании сочинений обязательно под этой миниатюрой: "Я помню чудное мгновенье"... Честно говоря, с нее есть портреты и получше. В доме говорили об Анне Петровне как о хорошей знакомой, а мы, дети, были влюблены в нее и играли часто в такие игры, в которых мог бы участвовать портрет. Ее ожидали на лето в гости, и она приехала со старичком мужем. И сама была старуха. Раздражительная и капризная. Может, она и не была такой уж старухой, но мы-то ждали красавицу... В этом доме была простая еда. Там вообще все держались просто и много работали — на полях и в сельской школе преподавали. Ей такая жизнь не очень нравилась. Она захотела тульских пряников, а у нас не было. Тогда ее старичок велел заложить шарбанчик и поехал на станцию. Погода была скверная — ливень с грозой. На станции старичок простудился, у него сделалась лихорадка. Нам было очень жаль старичка, а ее мы окончательно разлюбили. А может, и он не был тогда старик... Нужно разобраться с датами...

Много должно было пройти лет, прежде чем я смогла соединить эти главы. Убедить себя, что гений чистой красоты и капризная старуха — одно и то же лицо. Не противоречие, а превращение. Царевна — Лягушка. Лягушка — Царевна... Зачем они меня слушают? Что во мне интересного? Я скоро откланяюсь Я рублю канаты. Сматываю удочки. Эта штука в самом деле brevis est. Оттого, что все прошло слишком быстро, я растягиваю события моей жизни, приближая и укрупняя частности, которые неотвязно следуют за мной. Например, рыжая влажная коряжка, которую копщик столкнул в могилу профессора... Или кумачовая скатерть на столе. За столом — комиссия. А перед ней по очереди проходят гагие женщины. Единственное, что рассказала Юлия. Я этого не видела. Но я там тоже шла незримо... Когда мы прочли первую повесть Солженицына, я спросила: "Это так и было?" — у нее обострилось лицо, я увидела, как натянулись мышцы, и моя болтуня ответила голосом без звука: "Похоже. Но не так"...

Хорошо, что мы остались живы и, Бог даст, умрем своей смертью. Но в этом есть момент стыда. Мы должны были разделить участь всех.

"Мы сознаем, что не могли б вместить

Все прошлое в границы нашей жизни..."

Могли. Могли — и еще как! Всякого. И гольф в Швейцарии в том числе. Я старый человек. Я стою на своем Синае. Но мне не хочется этой высоты!

Сейчас я скажу моим дорогим гостям, что и они, и я — мы выбрали не ту историю. И не нужно называть нас княгинями (а они ведь так называют, говорят, наверно: "Айда к княгиням!"). Я была княжной, а профессор из разночинцев, так что титул нам не положен. И не нужен, и опасен. Да знают они об этом! Просто "княгини" — интересней. Все это от безродства, от безродства, от беспамятства. Поветрие. Эпидемия?.. Жизнь отшибла память. Дальше бабушек-дедушек никто никого не знает. Вот и норовят поближе к чужим корням... Что-то я опять начинаю злиться... Я могла бы им рассказать... О, я могла бы рассказать... Нет. Об этом нет.

...Зачем эти молодые люди расспрашивают меня о том, что можно извлечь из архивов? Такое ощущение, что я хочу выбраться из старого сундука, а они меня назад заталкивают.

— Ну, расскажите же мне что-нибудь! Ну, поговорите со мной про хоккей! Вот вы и развеселились. Думаете, не знаю? Знаю! Я смотрела по телевизору. Мне еще понравился спортсмен Петров, и у него была своя пятерка.

Смеются. А я сейчас возьму и скажу: "Мне нравится спортивный стиль пятерки Петрова!".. Нет. Не скажу. О таком они должны начинать. Это их область. Но почему, почему они не рассказывают мне, что делает-

ся за этими стенами? Когда они пришли, я читала чудесную книжку — "Карусель", стихи для детей, но и для взрослых тоже. Юлия загородила книжку своим печением. Я сейчас переложу ее позаметнее... Вот, переложила, а они не обратили внимания...

— Взгляните, какая картинка: мальчик и девочка стоят перед плотной полосой тумана, за которой едва просматриваются верхушки деревьев. А стихи тут вот какие:

Кто-то ночью утащил лес.

Был он вечером, а утром — исчез...

Где же прячется птица и зверь?

И куда за грибами теперь?

— Остроумно, — сказала барышня.

— Остроумно? — спрашиваю у молодого человека.

— Скорее, печально, — ответил тихо парень, не меняя позы, однако.

— Это — старинная штучка? — спросила моя любимая барышня. Она сейчас изучала хлам на ломберном столике.

— Да. Это домашний фонтан. Французский фарфор. XVII век.

Она почтительно ощупала пыль столетий на лепнине фриза. Отчего мы не вытираем пыль? Могли бы вытирать. Это — нетрудно.

— А тут кусочек отбит. Вы заметили? — сказал Ленский голосом, как-им торгуются. Господи! "И куда ж за грибами теперь?"...

— Его отбила Изольда, когда прыгала на клетку с попугаем.

— И что вы с ней сделали?

— С клеткой?

— Нет, с кошкой.

— Мне было жаль. Изольда очень испугалась. Она нервная. Ангорские все очень нервные. Она имеет очень хорошую родословную...

Они уж засобирались уходить, но опять сели послушать родословную Изольды. Снова моргали, когда я говорила глупости под умоляющим взглядом Юлии. Мужчина рылся в своем портфеле. Он почувствовал, что я больше не слежу за ним. А я веселилась! Ну, нет! Я вас так просто, мои миленькие, не отпущу!

Наконец мне надоело это представление и я сказала:

— Молодой человек, ваш магнитофон не только записывает, но и воспроизводит, так ведь? Пожалуйста, перемотайте пленку и пустите все с самого начала. Я хочу услышать свой голос.

Кельн